

«СЕРЕБРЯНАЯ РЕСПУБЛИКА» БЕЗ ПОЗОЛОТЫ¹

Путешественнику, впервые пролетающему над Буэнос-Айресом, прежде всего бросается в глаза непривычная для европейца геометрическая планировка аргентинской столицы. В центре, прилегающем к порту, монотонность плана скрадывается различной — от четырех до сорока этажей — высотой зданий, ломаной линией доков, тянущихся вдоль береговой дуги, зелеными пятнами парков и скверов, но дальше, на юг, север и запад, на десятках квадратных километров аккуратно стоят тысячи белых домиков, напоминающих под солнцем кубики пиленого сахара.

В отличие от большинства городов Старого Света, Буэнос-Айрес — в основном — строился уже после того, как возникло искусство урбанизма. С востока на запад город пронизан двадцатикилометровой стрелой авеню Ривадавиа, вправо и влево от которой, на равном расстоянии один от другого, под прямым углом отходят проспекты — Карлос Пеллегрини, Девятого Июля, Кальяо, Энтре-Риос, Пуэйрредон. Пересекающие их другие авеню образуют между собой правильные прямоугольники, в свою очередь, разлинованные улицами на кварталы — квадраты со стороной в 100 метров. Система нумерации домов тоже не совсем привычна для европейца, зато очень удобна. Первый квартал нумеруется от 1 до 99 второй — от 101 до 199, третий — от 201 до 299 и так далее. Количество домов не играет при этом никакой роли: в одном стометровом квартале их может быть либо десять (предельное число), либо пять, либо четыре, — но они всегда будут пронумерованы от 1 до 99, с числом сотен, обозначающим, по существу, просто порядковый номер данного квартала. Даже если весь квартал занят одним зданием с несколькими подъездами, то оно имеет соответствующее количе-

¹ Первая публикация Ю. Г. Слепухина после возвращения на родину. Печатается по тексту, опубликованному в воронежском журнале «Подъем», 1957, № 4.

ство разных номеров. Благодаря такой системе, выйдя на какую-нибудь улицу в поисках нужного вам дома, вы без помощи плана сразу узнаете, сколько кварталов предстоит еще пройти. Ориентировка облегчается еще и тем, что все номера повышаются в определенном направлении — с востока на запад и, на улицах, пересекающих авеню Ривадавиа, по мере удаления от этой основной артерии города.

Вооружившись такими предварительными сведениями, посмотрим, что же представляет собой Буэнос-Айрес — самая большая (с пригородами около 5 млн.) столица Латинской Америки.

Красивое, хотя и несколько ассиметричной архитектуры, здание тускло-розового цвета. В монументальном подъезде, положив руки на эфесы палашей, замерли двое часовых в мундирах наполеоновской эпохи — высокие кивера, белые перевязи крест-накрест, лосины, нестибающиеся — выше колен — лакированные ботфорты; гвардейцы конно-гренадерского полка «Генерал Сан-Мартин» несут почетный караул у Дома Правительства. Вы переводите взгляд этажом выше — и сразу возвращаетесь в двадцатый век: на перилах балкона, покуривая сигареты, сидят часовые другого рода. У этих нет ни ботфорт, ни палашей, на них защитная форма американского образца, стальные шлемы и вполне современные автоматы.

Мы находимся в историческом центре Буэнос-Айреса, на Пласа де Майо. Через площадь, напротив Дома Правительства, незаметное среди окружающих его многоэтажных фасадов банков и страховых обществ, приютилось скромное — в два этажа — здание в старинном колониальном стиле, дорогое сердцу всякого аргентинца «Кабильдо» (городское самоуправление). Полтора столетия тому назад, 25 мая 1810 года, с его балкона была провозглашена независимость страны, отложившейся от испанской короны. Вал освободительных движений, прокатившийся по Европе после взятия Бастилии, в конце концов пересек Атлантический океан и захлестнул Америку, разрушив феодальное Вицекоролевство Рио-де-ла-Плата и создав на его месте молодую Аргентинскую Республику; недаром фригийский

колпак якобинцев до сих пор фигурирует в ее государственном гербе².

Есть на площади следы и более новой истории. Зеркальный гранит, облицовывающий фасад Министерства Хозяйства, испещрен глубокими следами осколков: в позапрошлом году, пасмурным зимним днем 16 июня, здесь рвались бомбы, сброшенные авиацией мятежников, восставших против диктатуры генерала Перона. Одна, по счастью небольшая, взорвалась у самого входа в метро, осколки другой изрешетили за углом набитый пассажирами троллейбус. Мятеж не удался, и толпа фанатических приверженцев диктатора в отместку за бомбы разгромила и сожгла находившееся на этой же площади здание папской курии (вдохновителями попытки переворота считались католики). Сейчас обгорелые развалины уже разобраны, и на их месте красуется деревянный забор, оклеенный пестрыми афишами.

Остановитесь на площади лицом к Кабильдо, и перед вами откроется одна из самых красивых перспектив Буэнос-Айреса — широкая, обсаженная старыми деревьями, «авенида де Майо». В облике этой авеню, соединяющей Майскую площадь с площадью Конгресса, есть что-то неуловимо-парижское — то ли выставленные прямо на тротуар круглые мраморные столики многочисленных кафе, то ли густая зелень, при виде которой невольно вспоминаются каштаны Елисейских полей, то ли завершающий перспективу изящный и строгий силуэт дворца Национального Конгресса с его высоким, зеленоватым от бронзовой окиси куполом, издали напоминающим купол Пантеона. Здесь расположены редакции крупных газет, правления торговых и промышленных фирм и, как повсюду в Буэнос-Айресе, — магазины, магазины и магазины. Книжки, готовое платье, подарки и сувениры, музыкальные инструменты, радио, фотоаппараты, телевизоры, электрические холодильники. Почти все — импортное или сделанное из импортных материалов. Этим определяются цены: холодильник стоит 14 000 песо, телевизор — 16 000, фотоаппарат класса «Контактс» или

² Имя «Аргентина» («Серебряная») представляет собой латинизацию испанского названия Серебряной реки (Рио-де-ла-Плата), в устье которой расположен Буэнос-Айрес.

«Лейка» — от 10 000 до 12 000. Рабочему или мелкому служащему, получающему тысячу-полторы в месяц, не скоро придется позволить себе удовольствие такой покупки... Владелец магазина это не огорчает: покупатели все равно найдутся.

Столики под парусиновыми навесами никогда не пустуют, в какое бы время суток вы ни заглянули на эту улицу. Отлично одетые «кабальерос», с подбритыми усиками и сверкающими напوماженными прическами, сидят за ними и утром, и в знойные послеобеденные часы, и вечером. Безработные? Напротив, они заняты лихорадочной деятельностью, они работают. За стаканом ледяного гренадина или за чашечкой традиционного черного кофе, пока чумазый мальчишка-чистильщик наводит солнечное сияние на его туфли, кабальеро заключает сделки, которые за сутки могут принести ему больше дохода, чем другие получают за месяц работы у станка или в канцелярии.

Вдруг — какое-то неуловимое смятение за столиками. Одета с подчеркнутой элегантностью стройная блондинка, скромно потупив глаза и вызывающе покачивая бедрами, проходит по тротуару. Дельцы, словно по команде, оборачиваются ей вслед — на мгновение забыты курсы валют, контракты, разрешения на импорт-экспорт, биржевые котировки... «Блаженны глаза, созерцающие небесное видение!» — с патетическим вздохом громко восклицает солидный, с тронутыми сединой висками, кабальеро и поправляет гвоздику в своей петличке. Его компаньон, тоже с сединой и с гвоздикой, издает протяжный не по-возрасту свист и сокрушенно качает головой. «Вайа уна мухер» — какая женщина! Через пару секунд оба возвращаются к своему бизнесу — до появления новой блондинки или брюнетки.

Между тем, «небесное видение» идет — вернее шествует — дальше, волоча за собой шлейф страстных вздохов и комплиментов. Некоторые из них не слишком изысканы, в некоторых даже явственно слышатся анатомические термины; но видение к этому привыкло, оно родилось и выросло под знойным солнцем, и комплименты слышит с четырнадцатилетнего возраста. Дойдя до перекрестка с табличкой «Калье Флорида», видение сворачивает за угол и исчезает за стеклянной дверью модного ателье.

Итак, мы — на знаменитой Флориде, «улице роскоши». Все ее девять кварталов, от Авенида де Майо до Пласа Сан-Мартин, по обеим сторонам заняты только витринами. За зеркальным стеклом — все, что только может пожелать пресыщенный вкус человека, не знающего, куда девать слишком легко достающиеся ему деньги. Меха, обувь, ковры, английское столовое серебро Стирлинг, редкие книги в уникальных переплетках, китайские изделия из слоновой кости и нефрита, дамское нейлоновое белье, тонкое и прозрачное, как воздух, бельгийский хрусталь фабрики Валь де Сэн-Ламбер, драгоценные вазы из Мурано, в матово-радужном стекле которых вплавлено шестивековое, не имеющее себе равного в мире, искусство венецианских мастеров, парижские туалеты, швейцарские хронометры, бриллиантовые кольца, броши, диадемы, кольца. На этой улице расположены лучшие ювелирные магазины Буэнос-Айреса. Любопытства ради, зайдите в один из них — скажем, к Гутману. Если вы ожидаете увидеть заваленные бриллиантами прилавки, то внутренний вид магазина вас разочарует. Здесь вообще нет прилавков — небольшое слабо освещенное помещение, стены и пол затянуты темно-коричневой тканью, два-три столика с глубокими кожаными креслами. Если бы не несколько шкафчиков, в которых скупо выставлены какие-то безделушки — недорогая хрустальная вазочка, статуэтка из зеленого нефрита, вы сказали бы, что находитесь в курительном салоне какого-нибудь солидного клуба. Впрочем, к вам уже подходит продавец: у него — та же гвоздика в петлице, манеры отставного дипломата и взгляд детектива. Он сразу же должен угадать, стоит ли иметь дело с посетителем. В одном случае, вам — с дипломатической учтивостью — будет заявлено, что, к величайшему сожалению, и т. д. В другом — если вы внушаете доверие, — продавец предложит вам кресло и включит настольную лампу. И через минуту, добытые откуда-то из таинственных глубин сейфов и бронированных камер, перед вами на черной бархатной скатерти вспыхнут и заиграют миллионами разноцветных огней сокровища, за сотую долю которых любое из «небесных видений» с радостью продаст душу и тело кому угодно, хотя бы самому дьяволу...

Вы уходите, ничего не купив, обманув ожидания фирмы; и ледяное презрение сказывается даже в жесте ливрейного швейцара, нехотя распахивающего перед вами тяжелую дверь. Впрочем, задержавшись на тротуаре, вы видите, как к покинутому вами святилищу направляется пара других посетителей: краснолицый здоровяк, не выпуская из зубов трубки, громко говорит что-то своей спутнице — рыжеватой, мальчишески-худощавой женщине в брюках, половина лица которой скрыта большими зеркальными очками-поляроидами. В английской речи краснолицего явственно слышится техасский акцент. Туристы входят в магазин; на этот раз продавец с дипломатическими манерами наверняка вознаградит себя за напрасно потраченные на вас время и учтивость...

Громадная, в ультра-современном «функциональном» стиле витрина с наклонно поставленным стеклом украшена вензелем и двенадцатидюймовыми золотыми буквами — «Дженерал Электрик». Это, вернее, даже не витрина, а стеклянная стена, начинающаяся на уровне тротуара; дверная коробка из полированной нержавеющей стали хитроумно врезана в цельное стекло. За ним — царство электрического комфорта: холодильники, стиральные и гладильные машины, аппараты для охлаждения комнатного воздуха, вентиляторы всех размеров, настольные электрожаровни из огнеустойчивого стекла «пирекс», электрические бритвы, электрические аппаратики для вибромассажа, электрические зубные щетки... и все это — «съен пор съен импортадо», стопроцентное импортное. Иначе и быть не может — снобы, покупающие в таких магазинах, не удостоят своим вниманием вещи, на которых нет клейма «Мэйд ин Ю-Эс-Эй». Не потому ли, что все их вкусы, привычки и даже сами мысли — тоже «съен пор съен импортадо»...

Впрочем, нужно быть справедливым — в этой витрине есть на что посмотреть. Безукоризненная отделка каждой вещи говорит о хорошем вкусе, о высоком уровне производственной культуры, а также о смертельной, доведенной до пределов конкуренции, когда любая мелочь используется для того, чтобы привлечь внимание покупателя. Какой-нибудь обыкновенный холодильник так красив, так слепит глаза блеском эмали, плексигласса, хромированных и золоченых

частей, что невольно спрашиваешь себя — неужели все это великолепие предназначено только для того, чтобы держать в нем молоко и говядину?

По Флориде не ездят на машинах. Автомобили допускаются сюда только утром, да и то ненадолго, а в остальное время суток вся небольшая ширина этой улицы занята фланирующей толпой. Часов в пять-шесть пополудни здесь вообще не протолкаться. Впрочем, никто и не толкается, потому что никто никуда не торопится. Торопливость вообще не свойственна аргентинцам, а тем, кто гуляет по Флориде, и подавно. Туристы, увешанные драгоценностями дамы, напомаженные искатели приключений, вышедшие сюда на охоту,— куда им торопиться? Между тем, всего сто метров (все тот же стандартный квартал) отделяют Флориду от параллельной ей улицы Сан-Мартин. Заверните за угол, пройдите эти сто метров — и вас подхватит и понесет бурный поток запыхавшихся людей с портфелями. Сан-Мартин — это улица банков и контор, своего рода маленький Уолл-стрит. Куда девалась традиционная аргентинская неторопливость. Если когда-нибудь вам захочется собственными глазами увидеть, что такое погоня за бизнесом,— приходите сюда, на улицу Сан-Мартин, за полчаса до закрытия банков, когда сотни дельцов, каждый из которых торопится во что бы то ни стало успеть завершить какую-то важную операцию, мечутся по тротуарам с распущенными галстуками и сдвинутыми на затылок шляпами. Автомобильное движение здесь разрешено (одностороннее, как и на всех улицах Буэнос-Айреса), но почти невозможно; машины едва ползут сквозь густую толпу, ежесекундно останавливаясь, чтобы не раздавить кого-нибудь забывшего всякую осторожность бизнесмена, лезущего под самый радиатор. Раньше, до запрещения звуковых сигналов, здесь с утра до вечера не умолкал хриплый разноголосый рев клаксонов, еще больше усиливая бедлам, творящийся на маленьком Уолл-стрите.

Театральный Буэнос-Айрес очень любит комические пьесы и водевили, героем которых является попавший в столицу провинциал. Бедняга гаучо бродит по улицам, разинув рот и возбуждая улыбки своим одурелым видом, своими широчайшими шароварами и сапогами в гармошку, своим

расшитым серебряными монетками поясом. Он едва разбирает по слогам вывески фирм и магазинов — вывески, где очень мало испанских слов, — и не может понять, в какой же город он попал. На сцене все это выглядит забавно; но в жизни, тот факт, что приехавший в собственную столицу коренной житель страны чувствует себя попавшим на чужой континент — этот факт вовсе не смешон, он говорит о большой трагедии Латинской Америки. Пройдите по банковским кварталам, обратите внимание на бронзовые доски в подъездах. «Нью-Йорк Сити Банк», «Ферст Нэйшнэл Банк оф Бостон», «Сосьетэ Женераль», «Ройал Банк оф Канада», «Банк оф Лондон энд Саут Америка»... Прогуляйтесь по центру вечером, полюбуйтесь неоновым фейерверком реклам. «Файрстон», «Дюпериаль» (аргентинский филиал Дюпон де Немура), «Скуибб энд Соне», «Шелл-Мекс», «Дженерал Электрик», «Стандарт Электрик», «Вестингхауз», «Дженерал-Моторс», «Свифт», «Мерседес-Бенц», «Армор», «Фиат», «Ремингтон», «Оливетти»... десятки и сотни иностранных фирм, преимущественно североамериканских, которые снабжают Аргентину всем — абсолютно всем, от нейлоновых бюстгальтеров до турбогенераторов.

А национальная промышленность? Существует ли вообще промышленность в Аргентине? Да, она существует — ровно постольку, поскольку ей это разрешается истинными хозяевами внутреннего рынка. В Аргентине производят электромоторы, но медь для обмоток привозится из Чили; производят нейлоновое волокно, но сырье и необходимое производственное оборудование (кстати, очень дорогое и сложное) покупается в США; производят станки, но инструментальная сталь импортируется из Швеции; и так во всем. Клеймо «Индустрия Аргентина», стоящее на любом предмете, сделанном на территории республики, — это только самоутешение, только попытка убедить самих себя в несуществующем: в наличии независимой аргентинской индустрии.

Космополитический облик центра Буэнос-Айреса — английский язык вывесок и реклам, пестрые обложки американских журналов в киосках газетчиков, жующие резинку стриженные девицы в синих ковбойских штанах, высокие табулеты баров, «рокк-энд-ролл» и порнографический голос

Элвиса Присли — все это мелочи. Страшно не то, что аргентинские сеньориты танцуют «рокк», — а то, что вся аргентинская экономика пляшет под дудочку рокфеллеров и меллонов. То, что ни один галлон аргентинской нефти не может быть выкачан аргентинцами из аргентинской земли без согласия «Шелл» или «Стандарт Ойл». То, что эта нефть перерабатывается на американских крекингах. То, что вся торговля аргентинской пшеницей до сих пор контролируется крупнейшим международным концерном «Бунге и Борн». То, что две чикагские фирмы — «Свифт» и «Армор» — монополизировали переработку и сбыт продуктов аргентинского скотоводства. То, что Аргентина, богатейшая по своим природным ресурсам страна, до сих пор остается одной из самых безответных рабынь империи доллара.

Анализ причин такого положения вещей увел бы нас далеко за пределы простого очерка. В немногих словах они сводятся к следующему. Как и в большинстве республик Латинской Америки, в Аргентине по сей день сохранилась система латифундий, система сверхкрупного землевладения. Не менее семидесяти процентов всей земли, могущей быть использованной под пастбища или посевную площадь, сосредоточено в руках нескольких семейств — Аль-веар, Булльрич, Анчорена и другие. Латифундисты, естественно, получают колоссальные прибыли от сбыта на международном рынке пшеницы и мяса — основных статей аргентинского экспорта. Естественно также, что они, как никто, заинтересованы в сохранении аграрного характера аргентинской экономики, в ее технической отсталости. Чем больше машин вынуждена Аргентина покупать за границей, тем больше сельскохозяйственной продукции должна она продать, чтобы за них расплатиться; нет нужды, что страна платит втридорога за каждый трактор, купленный в США, что, в результате, растет государственный долг и усиливается экономическое — а вслед за ним и политическое — закабаление. Булльричей и альвеаров это не тревожит. Им нужно одно: продать за границу побольше «своей» пшеницы и «своего» мяса...

Но вернемся на Флориду. Прежде, чем покинуть центр, стоит посмотреть еще на одну витрину «съен пор съен импортадо». На этот раз речь идет об импорте идей. Не в при-

мер другим импортным товарам, они — эти идеи — не украшены билетиками с пятизначной цифрой, они предлагаются совсем даром — только соблазнитесь. Над витриной, неподвижное в знойном безветрии, свесилось сине-бело-красное полотнище звездного флага Соединенных Штатов. На верхнем этаже расположены бюро «Юнайтед Стэйтс Информэйшн Сервис», в нижнем — принадлежащая посольству США публичная библиотека «Линкольн». В ее витрине — фотографии, фотографии и фотографии. Семья американского служащего в палисаднике своего домика. Семья американского рабочего за завтраком. Семья американского фермера на воскресной прогулке — роскошный низкий Бьюик «динафлоу», мистер с сигарой, мистрисс с голливудской прической. Его Эминенция монсеньор Фрэнсис Спеллман, кардинал-примас США, произносит речь на обеде «Американского Легиона». Президент Эйзенхауэр, повязавшись клетчатым передничком, собственноручно жарит яичницу в кухне своей летней резиденции в штате Мэн. А вот еще одна идиллия: негр и белый сидят за одной партой. Торжественная присяга новых граждан США — иммигрантов из Европы. Новая модель автомобиля, выпущенная Крайслером. Шеренга девушек в купальных костюмах, с лентами через плечо: представительницы 48 штатов на конкурсе «Мисс Америка». Короче говоря — демократия во всех ее многочисленных аспектах. Четкая печать, блестящая глянцевая бумага, улыбающиеся лица... даже кардинал, не так давно требовавший превентивной атомной войны против СССР, выглядит на фотографии совсем добродушным старцем. Только один снимок несколько выпадает из идиллического тона остальных. На нем — четыре чудовищных оружейных жерла: артиллерия главного калибра (16 дюймов) линкора «Норт Кэролайна». Фотография скромно помещена в уголку, как вежливое напоминание. Обидно и грустно за великого президента Линкольна, чье имя превращено в вывеску этой тошнотворной пропаганды ляжек и дредноутов.

Служба Информации США недаром выбрала себе помещение на Флориде — кто знает, как отнеслись бы к подобному соседству жители другого, менее «импортного» района столицы. Да что говорить про другие районы, если

даже здесь «Информэйшн Сервис» не гарантирован от неприятностей: однажды ночью, три года тому назад, подложенная кем-то самодельная бомба вдребезги разнесла идиллическую витрину, прихватив заодно и несколько соседних, совсем уже непричастных к звездному флагу. Любопытная деталь — соседние магазины давно уже сияют новыми зеркальными стеклами, а в витрине «Линкольн» так и осталась временная деревянная рама с частым, как в старом окне, переплетом. Не хватило долларов на установку хорошего стекла? Вряд ли, скорее всего — предусмотрительность. Кто их знает, этих аргентинцев... еще возьмут да и подсунут вторую хлопушку под витрину, на них и стекла не напасешься.

Серая бетонная призма высотного здания «Эдифисио Каванаг» господствует над густой зеленью сквера, разбитого на Пласа Сан-Мартин. На этой площади берет начало вторая по элегантности (после Флориды) авеню Санта-Фе. Широкая и нарядная, обсаженная тенистыми деревьями она проходит через аристократический Северный Район — «Баррио Норте»; вправо от нее расположены кварталы роскошных особняков, окруженных выхоленными газонами и садами, где тишина нарушается только шелестом шин бесшумных автомобилей, изредка скользящих по зеркальному асфальту улиц-аллей.

Пласа (площадь) Сан-Мартин, так же, как и виденная уже нами улица банков, названа по имени генерала, освободившего Аргентину от испанского владычества. В 1850 году генерал-освободитель умер в изгнании, во французском городе Булонь-сюр-Мер; лишь много лет спустя, его останки были перевезены на родину и положены в мраморный саркофаг в кафедральном соборе Буэнос-Айреса. Здесь, посреди названной его именем площади, стоит памятник — с высоты своего вздыбленного коня бронзовый генерал в надвинутой на глаза треуголке смотрит на живых детей, играющих у подножья гранитного пьедестала. С трех сторон площадь окружена зданиями, четвертая открыта и представляет собой большую лужайку, спускающуюся по склону холма. Отсюда, сверху, открывается широкая панорама припортового района столицы: вокзал Ретиро, напротив — увеселительный парк того же названия, с качелями, чертовыми колесами и американскими горами (они называются «русскими»), и дальше, за

возвышающейся на привокзальной площади высокой кирпичной башней с часами, — мачты судов, ажурные переплеты кранов и желто-свинцовая вода устья Ла-Платы.

Спустимся вниз. Здесь кончается центр, с его импортным блеском, с его нарядными и никуда не торопящимися прохожими, и начинается другой Буэнос-Айрес. Проспект Леандро Алем служит границей между городом и портовой зоной. Под его аркадами, тесно одна к другой, расположены маленькие лавчонки, торгующие всевозможной дребеденью. Дребедень явно рассчитана на непряхотливые вкусы моряков: тут и матросские ножи, и дешевые сувениры, и громадные перстни с фальшивыми рубинами, и красивые — но, никуда не годные — золоченые часы. В двух шагах отсюда — узкая улочка, вся занятая кабачками и харчевнями, где говорят на всех языках мира. Вывески по-английски, по-немецки, по-польски, даже по-украински. В окне одной из харчевен красуется засиженный мухами лист картона, на котором крупно выведено: «Сдесь Говорят по Русску». Любопытно было бы послушать, как она звучит — эта речь «по Русску»...

Чтобы продолжить осмотр города, нам придется сесть в автобус. Для этого в Буэнос-Айресе не нужно идти несколько кварталов, отыскивая остановку, — вы просто останавливаетесь на любом перекрестке и, увидев нужный вам номер, поднимаете руку. Дальнейшее от вас не зависит; захочет шофер остановиться — остановится, не захочет — проедет мимо.

Разновидностей городского транспорта здесь много: есть и большие, похожие на наши ЗИЛы, автобусы американских марок «Мак» и «Джи-Эм-Си», и немецкие троллейбусы «Хеншель» и «Мерседес-Бенц», и даже допотопные трамваи, которые в одиночку, без прицепов, ползают по улицам с черепашьей скоростью, дребезжа и гроыхая всеми своими разболтанными суставами. Есть и еще одна разновидность, свойственная только этому городу, типичная для него и так же неотделимая от его облика, как туман неотделим от Лондона, а каштаны, уличные писсуары и ларьки букинистов — от Парижа. Это так называемые «коллективос» — маленькие частные автобусы, рассчитанные на 10–12 пассажиров. От больших единиц, принадлежащих муниципальной Транспортной

Корпорации и одинаково окрашенных серебристой алюминиевой краской с широкой синей полосой вдоль борта, «коллективос» отличаются, помимо размеров, чрезвычайно пестрой раскраской, явно позаимствованной у пернатого мира тропиков. Каждая частная линия, а их несколько десятков, имеет свои условные цвета, причем в самых неожиданных комбинациях: желтый с зеленым, черный с красным, синий с оранжевым, фиолетовый с голубым. Мало этого — каждый автобус разрисован еще фестончиками и завитушками, к его капоту привинчено несколько никелированных пчел (или мух, кто их разберет) устрашающего размера, а над радиаторной решеткой укреплено нечто вроде маленького флажстика, на котором развевается пучок разноцветных лент. Аргентинцы любят яркость и пестроту во всем, и поэтому их автобусы выглядят зачастую приблизительно так же, как полсотни лет тому назад у нас выглядели шарманки уличных музыкантов.

Впрочем, ни загадочные (величиной с кулак) хромированные насекомые на капоте, ни даже кружевная оборочка на ветровом стекле не мешают водителю быть настоящим мастером своего дела. Если вам удалось остановить «коллективо» — что не так просто в часы пик — и протиснуться в его единственную дверь, служащую одновременно входом и выходом, — станьте тут же, возле сиденья водителя, и понаблюдайте за его деятельностью. Этот черноусый парнишка не только ведет машину — он принимает деньги от новых пассажиров, выдергивает из укрепленного перед ним аппарата нужное количество билетов нужной стоимости, отсчитывает сдачу и ругается с остальными пассажирами, безрезультатно приглашая их не толпиться у дверей. И все это — одновременно. На перекрестках машина приостанавливается на несколько секунд, чтобы едва-едва дать возможность выскочить одним и вскочить другим; потом водитель сразу дает полный газ, придерживая баранку левой рукой, и при помощи правой производя свои операции с деньгами и билетами. Глядя на эту акробатику, непривычный пассажир испытывает жутковатое чувство — как никак, дело происходит на одной из самых оживленных магистралей большого города, в сплошном потоке уличного движения. Но уверен-

ность шофера невольно успокаивает. Покончив с билетами — до следующей остановки, — он не торопится взяться за руль обеими руками. Правая все равно занята. Он достает из нагрудного кармана сигарету, потом щелкает зажигалкой (водителям курить разрешается — очевидно, в порядке компенсации), потом начинает крутить селектор приемника на приборной доске, отыскивая танго позабористее. Но вот какое-нибудь такси внезапно появляется перед самым радиатором автобуса; водитель рвет тормоз так, что стоящие пассажиры валятся друг на друга, и во весь голос очень нелестно отзывается о ближайших родственниках торопливого таксиста.

Править одной рукой — в данном случае не лихачество. Во-первых, это вызвано необходимостью, нелепым и продиктованным жадностью соединением в одном лице двух функций — водителя и кондуктора. Во-вторых, шофер действительно уверен в себе. Нужно сказать, что аргентинцы вообще отличные автомобилисты; недаром их гонщик Хуан Мануэль Фанхио уже четвертый год сохраняет за собой звание мирового чемпиона, завоеванное в борьбе с такими асами автоспорта, как итальянцы Аскари и Виллорези.

Ехать в переполненном «колективо» — сомнительное удовольствие, особенно в летний день. Если же вам не удалось вовремя захватить сиденье — поездка превращается в изощренную пытку. Вы стоите, упираясь головой в низкий потолок, обливаетесь потом и проклинаете все на свете, начиная с изобретателя этого вида транспорта и кончая размерами аргентинской столицы, при которых сорокаминутная тряска в автобусе считается пустяком. Хуже всего то, что стоящий пассажир лишен всякой возможности ориентировки — окна автобуса приходятся на уровне его живота и в них видна только мелькающая мостовая, а нагнуться и посмотреть мешают плотно спрессованные между собой товарищи по несчастью. Иногда шофер выкликает названия улиц, а иногда не выкликает — судя по настроению и степени усталости. В таких случаях, то и дело возникают яростные перепбранки между ним и каким-нибудь пассажиром, который, протолкавшись к двери и выглянув в нее, вдруг обнаруживает, что проехал десяток кварталов лишних.

Судя по времени, мы уже порядком удалились от центра. К тому же гладкий асфальт под колесами давно уже сменился булыжной мостовой, что делает дальнейшее путешествие совсем уже непривлекательным. Выйдем на ближайшем углу и познакомимся с «субурбио» — городским предместьем Буэнос-Айреса.

Да, это мало похоже на Флориду. Неровно вымощенная, с высокими щербатыми тротуарами улица, двухэтажные деревянные дома, обшитые ржавыми листами гофрированного железа, открытые стоки нечистот. На тротуаре, среди окурков и бумажного мусора, грязные ребятишки в одетых на голое тело линялых и заплатаанных комбинезонах играют в шарики, и ни одно дерево не защищает их от палящих лучей солнца. Через улицу, у дверей бакалейной лавки, две неряшливо одетых женщины толкуют о чем-то на резком неаполитанском диалекте, помогая себе мимикой и отчаянной жестикуляцией. Трудно сказать, ругаются ли они или просто обмениваются сплетнями; у итальянок то и другое звучит одинаково.

Район, в котором мы сейчас находимся, называется «Бока» и заселен преимущественно портовыми грузчиками и строительными рабочими — итальянцами, приехавшими в Аргентину на заработки. Чудесный народ эти итальянцы — способный, трудолюбивый, никогда не унывающий. На всех стройках Буэнос-Айреса можно встретить уроженцев Генуи, Неаполя, Калабрии, Сицилии, Тосканы, одетых в белую спецодежду каменщиков и штукатуров. В этих профессиях итальянцы справедливо считаются не имеющими себе равных — так же, как и в пении. Стоит посмотреть и послушать, как какой-нибудь полуграмотный Дживованни распевает арии из «Тоски» и «Риголетто», стоя на лесах на высоте семи-восьми этажей и виртуозно орудуя мастерком. Впрочем, из Италии сюда едут не только каменщики. В каменноугольном бассейне на крайнем юге Патагонии (Рио-Турбио, Ушуайа) существуют целые поселки итальянских шахтеров, итальянцы-виноградари и садоводы живут в провинциях Тукуман и Мендоса, на многих промышленных предприятиях Буэнос-Айреса, Кордобы, Росарио работают сотни первоклассных итальянских инженеров, техников, механиков; многие из них имеют

за плечами многолетний стаж работы в таких всемирно-известных фирмах, как Фиат, Альфа-Ромео, Марелли, Мазератти, Ансальдо. Непрерывно растущая безработица заставляет их покидать родину и искать счастья за океаном.

Может быть, именно благодаря присутствию большого количества итальянцев, веселых и бесшабашных, в Боке сложился особый тип жителя окраины — «аррабалеро» или «компадрито», как его здесь называют. Слово «компадрито» означает по-русски просто «куманек». Этот тип распространен по всем окраинам столицы, но именно здесь его колыбель и его родная стихия. Настоящий компадрито органически связан с Бокой в некий «единый ансамбль», и его фигуру в черном костюме (двубортный пиджачок в талию и сильно суживающиеся книзу брюки), в белом шелковом шарфе и надвинутой на брови шляпе, непременно с гитарой, — эту фигуру трудно представить себе без покосившегося фонарного столба на перекрестке, желтого пятна света на неровной булыжной мостовой и выхваченного из темноты куска стены, обшитой гофрированным железом. Компадрито — это записной сердцеед, страстный болельщик футбольной команды «Бока Юниор», любитель выпить и перекинуться в картишки, гитарист и непревзойденный танцор танго (настоящего аргентинского танго — оно имеет очень мало общего с нашим, европеизированным). Таков он по вечерам и в воскресенье; а днем с понедельника до субботы компадрито либо работает грузчиком, слесарем или шофером, либо потихоньку приторговывает контрабандой с иностранных судов, либо занимается каким-либо совсем уже негласным промыслом, о котором можно только догадываться. Одним словом, это аргентинская разновидность того специфического типа людей, который можно обнаружить во всех крупных портах мира, от Одессы до Нью-Орлеана.

Благодаря этому Бока, при всей своей бедности, все же не может быть названа типично пролетарским районом Буэнос-Айреса. Чтобы увидеть быт настоящих рабочих предместий, нам придется проехать в такой, скажем, район, как Авельянеда, где расположены крупные металлургические предприятия — Тамет, Сиам ди Телла, сборочные цеха «Интернэйшнэл Харвестер» и «Дженерал Моторс», военные

фабрики, мясокомбинат, трубопрокатный завод Маннесман и масса механических и авторемонтных мастерских.

Итак, мы снова в автобусе. Опять духота, тряска, брань между усталыми и озлобленными пассажирами. Затем характерный гул под колесами: мы проезжаем по мосту через речушку Риачуэло, впадающую в устье Ла-Платы. То, что мы находимся именно над ней, можно определить также и по отвратительному запаху гниющих отбросов, которым тянет в открытые окна автобуса. Бойни и химические фабрики, в большом количестве расположенные на берегах Риачуэло, пользуются рекой как сточной канавой, не заботясь о санитарных условиях этого густонаселенного района. В жаркие летние дни зловоние слышится за несколько кварталов от берега; с загрязнением реки, превращенной в клоаку, пытаются бороться муниципальные власти, но дело от этого не меняется. Объединенные интересы фабрикантов, нежелающих тратить деньги на канализационные сооружения, имеют гораздо больший вес, чем все параграфы законов и резолюции комиссий санитарной инспекции, вместе взятые. Постепенно люди привыкают, даже перестают ощущать запах — вот и сейчас под мостом проплывает самодельная лодочка какого-то энтузиаста гребного спорта. Он с таким же увлечением работает веслами, как если бы плыл по настоящей реке, а не по этому болоту, черному от грязи и радужному от нефти...

Каждый пригород Буэнос-Айреса имеет свой облик. Авельянеда — это широкие пыльные улицы, чахоточная зелень, лязг и грохот машин, дым, бензиновый перегар и люди в замасленных комбинезонах. Корпуса фабрик окружены унылыми кварталами одноэтажных оштукатуренных домов с плоскими крышами, лишенных палисадников, тесно прилепленных один к другому. Много пивных — душных, неопрятных, замусоренных окурками и шелухой от арахиса, традиционной местной закуски к пиву. К вечеру, когда спадает жара, столики выставляются на тротуар, и их заполняют рабочие, по дороге домой заходящие промочить горло перед ужином. Несмотря на вообще свойственную аргентинцам шумливость, эти посетители больше молчат, потягивая пиво и машинальными жестами бросая в рот

зернышки земляного ореха. Усталого не тянет на разговоры, а уж кто-кто — а аргентинский рабочий знает, что такое усталость. Человек встает в пять часов, торопливо завтракает и бежит на автобусную остановку или на станцию пригородной железной дороги. Часа полтора он испытывает на себе все прелести поездки в утренние часы пик: безрезультатные попытки сесть в переполненные и неостанавливающиеся автобусы, очереди на остановках, пересадки. К семи часам он добирается до места работы, уже усталый и раздраженный, а впереди — весь долгий рабочий день в душной, плохо вентилируемой мастерской. Климат Буэнос-Айреса отличается высокой влажностью воздуха, и летом это делает его совершенно непереносимым. 38-40 градусов по Цельсию при 90 процентах влажности — обычные показатели для января месяца; в такие дни некоторые цеха металлургических или химических заводов мало чем отличаются от кругов Дантова ада. Аргентинское законодательство устанавливает продолжительность рабочего дня в восемь часов. Но законы — одно, а жизнь — другое; невозможность прокормить семью на основную ставку заставляет рабочего оставаться на сверхурочные часы. В общей сложности, он работает десять — одиннадцать часов. Прибавьте к этому два часа обеденного перерыва (абсолютная необходимость в жарком климате) и три-четыре часа на дорогу, в оба конца, — и вы увидите, что, уходя из дому в половине шестого, рабочий возвращается к семье около девяти часов вечера.

Работа, сон и — по воскресеньям — футбол и выпивка с приятелями в соседнем кафе. Такова, из года в год, жизнь аргентинского рабочего. Каждое лето он имеет право на десять календарных дней платного отпуска, которые проводит дома. Отдых на курорте для него — недостижимая роскошь; бесплатных (по путевкам) домов отдыха или санаториев в Аргентине нет, а ехать на свой счет — слишком дорогое удовольствие. Да за десять дней и не разгуляешься...

Горячий ветер метет пыль и обрывки газет по авеню Павон — главной улице южных предместий Буэнос-Айреса. Раньше — лет шесть тому назад — на ней было много зелени, но потом муниципалитет решил, что деревья мешают уличному движению. Прислали два экскаватора. Громыхая

гусеницами, они ползли по обеим сторонам улицы, от дерева к дереву, и за ними оставались лежать многолетние платаны и акации, вывороченные из земли прямо с корневищами. Теперь трудно себе представить более безотрадную картину, чем эта голая, раскаленная солнцем улица, вымощенная булыжником во всю свою пяти-десятиметровую ширину. Все те же, одно- и двухэтажные, дома-коробки, среди них кое-где возвышается новый фасад, внизу облицованный гранитом: это или контора какой-нибудь преуспевающей фирмы, или жилище разбогатевшего подрядчика. Мастерские, дешевые кафе, скобяные и москательные лавки, магазины запасных частей, бензозаправочные станции, склады строительных материалов и старого железа. Следующий за Авельянедой пригород — Герли. И здесь та же безрадостная картина — с той только разницей, что после каждого ливня целые кварталы оказываются затопленными по колено. В дождливые осенние и зимние месяцы здесь по неделям не сходит вода. Для жителей Герли высокие резиновые сапоги являются такой же необходимой частью гардероба, как для сибиряков — шубы. Дома не успевают просохнуть от одного ливня до другого, одежда в шкафах покрывается плесенью, дети болеют хроническими простудами, ревматизмом. Между тем, все это можно было бы легко исправить, проложив систему подземных стоков и коллекторов для дождевой воды; можно было бы, но — для этого нужны деньги. А деньги всегда уходили на другое.

В 1951 году мне пришлось присутствовать на торжественном открытии студенческого городка, названного именем генерала Перона. Городок этот (в Бельграно, северном пригороде столицы), рассчитанный на 300 человек студентов, обошелся государству в 280 миллионов песо. Без малого по миллиону на каждого из счастливых, которым предназначалось жить в роскошно меблированных индивидуальных комнатах, пользоваться стадионом, бассейнами для плавания, гимнастическим и фехтовальным залами (для украшения последнего было куплено в Европе несколько комплектов подлинного рыцарского вооружения XVI века). И сколько таких сооружений было возведено за двенадцать лет диктатуры! А Герли продолжает гнить в болоте, и десятки таборов,

построенных из ящиков и консервных банок на пустырях и свалках, продолжают опоясывать «южноамериканский Париж» кольцом позора и нищеты. Да что говорить о нищих — если уж правительство вспомнило о существовании студентов, то нужно было только заглянуть в переполненные аудитории инженерного факультета, где студенты вынуждены работать, сидя на подоконниках и держа чертежные доски на коленях; или — в одном квартале от Пласа де Майо — в древнее здание факультета точных наук, с его протекающими потолками и обваливающейся штукатуркой, с его лабораториями, лишенными самого необходимого оборудования, с его облупленными коридорами, превращенными в аудитории и кабинеты. Все это — и многое, многое другое — можно было поправить за половину тех средств, что были истрачены на нелепые и никому не нужные «студенческие городки» и автодромы...

Вообще, нужно сказать, что бежавший диктатор оставил после себя трудное наследие. Хуан Доминго Перон сам по себе являлся достаточно сложной фигурой. Черты типичного южноамериканского генерала-диктатора соединялись в нем с чертами современного политика-демагога, хорошо разбирающегося в общей социально-политической ситуации и умеющего пользоваться ею в своих целях. Чтобы понять, что происходит сегодня в Аргентине, нужно хотя бы бегло, в основных чертах, вспомнить ее историю на протяжении последних пятнадцати лет. В годы Второй мировой войны, в которой Аргентина не участвовала, эта страна представляла собой одно из самых отсталых государств Южной Америки. Отсталость сказывалась буквально во всем: страна не имела трудового законодательства, не имела всеобщего избирательного права, ее хозяйственная жизнь всецело контролировалась иностранным (главным образом, английским) капиталом, которому принадлежали железные дороги, торговый флот, телефонные и электрические компании, нефть и т. д. Порядок вещей, сложившийся в большинстве латиноамериканских республик еще в прошлом столетии и с тех пор почти не изменившийся, в сороковых годах нашего века не мог удовлетворять уже никого — кроме, разумеется, тех, кем он был создан и кем поддерживался.

Официальная пропаганда союзников, боровшихся против Держав Оси во имя демократических принципов, не могла также не повлиять на настроения людей, видевших необходимость коренных перемен. В 1943 году группа молодых офицеров произвела в Буэнос-Айресе дворцовый переворот, образовав на месте свергнутого правительства военную Хунту (комитет) под председательством генерала Фаррель. В этом временном правительстве некий полковник Перон возглавил совершенно новый (созданный специально им) «Секретариат Общественного Обеспечения». Молодой и никому до тех пор неизвестный полковник взялся за дело так энергично, организуя и укрепляя профсоюзы и проводя первые законы о труде, что в самом скором времени успел завоевать огромную популярность среди рабочих масс столицы. Между тем, правительство, в состав которого он входил, оказалось ничуть не лучше своих предшественников — в нем начались внутренние интриги, борьба за власть, взяточничество; симпатии к нему таяли так же быстро, как росла популярность Секретаря общественного обеспечения. Спohватившись, правительство арестовало опасного полковника — но оно спohватилось слишком поздно. 17 октября 1943 года, едва узнав об аресте своего любимца, все рабочие Буэнос-Айреса вышли на улицы, требуя его немедленного освобождения. Увидев, что дело зашло слишком далеко, Фаррель капитулировал, и Перон занял президентское кресло в Белом Салоне правительственного дворца; супруга его, Мария Ева Дуарте, возглавила Секретариат вместо мужа, получившего неожиданное повышение.

Уже одно это обстоятельство — приход к власти волею народа, вырвавшего его из тюрьмы, — с самого начала дало в руки Перона огромный политический капитал, на проценты с которого он ухитрился прожить 12 лет; причем, как человек умный и расчетливый, он всячески заботился о его приращении.

Многим государственным деятелям только история может вынести беспристрастный приговор, и он не всегда совпадает с приговором современников; возможно, что так получится и с Пероном. Мне кажется, что этот человек никогда не ставил интересы народа и государства выше своих личных: честолюбия, жажды власти и т. д.; однако, нельзя

отрицать, что для Аргентины он сделал многое, и народ не забывает этого до сих пор. Закон о труде, избирательное право для женщин, национализация железных дорог и телефонов, создание собственного торгового флота, строительство школ и госпиталей в провинциях,— все это, несомненно, заслуги Перона и его жены, и все это было достигнуто в период их совместного правления до 1951 года.

Слова «совместное правление» употреблены мною не случайно. Ева Перон, женщина огромного честолюбия и не меньшей энергии, подчинила своему контролю не только подведомственный ей Секретариат Общественного Обеспечения, но и почти все участки политической жизни Республики. Она смещала и назначала министров, принимала послов, брала на себя дипломатические миссии за границей. Ее филантропическая деятельность, каковы бы ни были ее подлинные мотивы, сделала ее кумиром десятков тысяч бедных семейств во всех уголках Аргентины. Как выяснилось позже, именно она, Ева Перон, представляла собой мозг и волю движения «перонизма».

В июле 1952 года «первая дама Республики» умерла от лейкемии; режим, лишившись своей центральной опоры, начал быстро скатываться по наклонной плоскости. Все его отрицательные стороны, отчасти заметные и раньше, выступили на поверхность. В последующие годы Перон не сделал уже ничего, что могло быть поставлено ему в заслугу; напротив, именно в этот последний период (1952–1955) перонизм стал символом политического блефа, административной коррупции и самой беззастенчивой демагогии. Темные финансовые махинации настолько опутали правящую клику, что родной брат покойной супруги диктатора, Хуан Дуарте, в миллионных масштабах спекулировавший лицензиями на импорт автомобилей по официальному курсу доллара, был застрелен у себя на квартире по приказу Перона; официальная печать сообщила о его «самоубийстве» и опубликовала предсмертное письмо-покаяние. Катастрофически ускорился процесс инфляции, курс песо продолжал падать с каждой неделей. В вопросах рабочем и земельном, ставших для Аргентины основными, Перон действовал с неприкрытым цинизмом: подписывал очередной декрет о повышении

заработной платы на 10–15 процентов и закрывал глаза на то, что фабриканты немедленно поднимали цены на свою продукцию на 20–25 процентов; произносил громовые речи против латифундистов — и не сделал ни одного шага к проведению аграрной реформы. Та же демагогия и двуличность стала принципом внешней политики Аргентины. Пока печать «для внутреннего употребления» кричала об экономической независимости, о суверенитете и о борьбе с северо-американским империализмом, Перон вел секретные переговоры о нефтяных концессиях с прибывшим в Буэнос-Айрес «экономическим экспертом» доктором Милтоном Эйзенхауэром, братом президента США, и обеими руками подписывал кабальные для Аргентины соглашения об инверсионных кредитах. Одновременно, чтобы сделать США более уступчивыми, он заявлял о своей «дружбе с Советским Союзом» и о налаживании широких торговых отношений со странами демократического лагеря; и в то же самое время полиция громила ячейки и комитеты Коммунистической партии, и арестованные коммунисты подвергались избиениям и пыткам в застенках «Сексион эспесиаль» — аргентинского Гестапо.

Все это не могло не отразиться на популярности диктатора. К 1955 году ему уже не верили рабочие, от него отвернулась армия, его презирала интеллигенция, его ненавидели крупные землевладельцы и капиталисты, не забывшие его прежних заигрываний с народом. Единственной силой, на которую Перон считал возможным опираться, была всецело находящаяся под его контролем (и им самим созданная) Генеральная Конфедерация Труда; он не учел, однако, что руководство профсоюзов, превращенное в послушный политический инструмент, давно уже перестало представлять подлинные интересы рабочих, потеряло их доверие и вследствие этого уже не являлось реальным фактором внутренней политики. В этом был основной просчет Перона, и этот просчет его погубил.

16 сентября 1955 года, спустя ровно три месяца после упомянутого мною неудачного июньского мятежа, вспыхнуло новое восстание. Подняла его армия и представители либеральной интеллигенции (главным образом студенты);

рабочие массы, если и не принимали в восстании непосредственного участия, то, во всяком случае, ему не противодействовали. Несмотря на призывы Генеральной Конфедерации Труда, народ остался нейтральным — и это решило судьбу Перона. Трое суток спустя, восставшая эскадра блокировала порт Буэнос-Айреса и потребовала немедленной отставки кабинета под угрозой начать обстрел столицы и расположенных поблизости от нее нефтеперегонных заводов. Перон бежал в парагвайское посольство, предоставившее ему право политического убежища.

То, что произошло потом, типично для большинства латиноамериканских переворотов. Все они укладываются в одну схему: 1-я фаза — диктатура; 2-я фаза — ее свержение; 3-я фаза — короткий период свободы, красноречивых деклараций и обещаний; 4-я фаза — начало новой диктатуры. Насколько мне помнится, единственным исключением из этого правила явилась революция 1944 года в Гватемале, где новое правительство (Аревало—Арбенс), пришедшее на смену военному триумvirату генерала Понсе, действительно оправдало возлагавшиеся на него надежды. Нищая страна, феодальная вотчина североамериканской банковской монополии «Юнайтед Фрут Компани», в короткий срок добилась экономической независимости, провела важнейшие внутренние реформы, в том числе аграрную, и стала на путь подлинной демократизации. В 1954 году молодая свобода Гватемалы была утоплена в крови руками наемников, купленных на доллары «Юнайдет Фрут» и действовавших по инструкциям Государственного Департамента США; но имена Хакобо Арбенса и Хуана Хосе Аревало уже вошли в историю примером тех немногих латиноамериканских революционеров, которые сумели дать народу то, во имя чего поднимали его на восстания.

К сожалению, этого нельзя сказать про сегодняшних хозяев Аргентины. Обещали они многое: сохранить и расширить социальные завоевания рабочих, осуществить аграрную реформу, освободить от правительственного надзора прессу и радио, провести свободные выборы. Из этих обещаний не выполнено пока ни одно. Выборы откладываются уже в третий раз — под предлогом, «страна к ним не готова»;

радио и газеты остаются под контролем правительства; подозрительно-сердечные отношения между президентом Арамбуру и крупнейшим объединением латифундистов и скотопромышленников «Сосьедад Рураль» заставляют думать, что о проведении аграрной реформы пока не может быть и речи; что же касается социальных завоеваний, аргентинский рабочий с каждым днем все сильнее ощущает на себе мертвую хватку капитала. Официально ни один из законов о труде, принятых после 1943 года, еще не отменен; но они нарушаются предпринимателями все чаще и все откровеннее. Растущее возмущение рабочих вылилось в конце прошлого года в забастовки и акты саботажа: бастовали печатники, около трех месяцев продолжалась забастовка металлистов, был взорван один из участков газопровода на линии Буэнос-Айрес-Ла-Плата, причем взрывом был разрушен железнодорожный мост, сгорели от поджогов несколько цехов машиностроительного завода Сиам ди Телла, крупнейший мясокомбинат «Ла Бланка» и ряд других предприятий, произошли столкновения между войсками и рабочими на металлургических заводах Тамет и Кантабрика. Положение в столице было в те дни настолько напряженным, что танки и полные солдат бронетранспортеры круглосуточно патрулировали по улицам рабочих предместий.

Правительство пыталось объяснить это деятельностью «агентов низложенного диктатора». Возможно, что такая деятельность имела место; но она никогда не увенчалась бы успехом, будь рабочие довольны своим теперешним правительством. Да и не только рабочие — недовольны студенты, недовольна мелкая буржуазия, непрерывно идет брожение в армии. По обвинению в антиправительственном заговоре был арестован ряд генералов, в том числе виднейшие участники сентябрьского переворота — Уранга и Бенгоа. Вот почему с крыши Дома Правительства смотрят в небо стволы скорострельных зениток, и вооруженные до зубов автоматчики корпуса морской пехоты стоят за плечами нарядных конногвардейцев...

Небольшая прогулка, которую мы с вами совершили по Буэнос-Айресу, может дать лишь самое общее понятие о жизни Аргентины. Хотя и говорят совершенно правильно, что пульс страны бьется в ее столице,— для того, чтобы узнать страну, столицы все же недостаточно. В коротком журнальном очерке нельзя описать всю Аргентину — вторую по величине страну южноамериканского континента; страну, простирающуюся от тропика Козерога до 55-й параллели, с ее субтропическими джунглями на севере, с величественной горной цепью «Кордильера де лос Андес», увенчанной ледяными пиками Фитц-Рой и Аконкагуа, с ее бескрайними пампасами, с бесплодным каменистым плато Патагонии, исхлестанным ледяными антарктическими ветрами, круглый год дующими из-за Магелланова пролива...

Много интересного можно сказать об Аргентине — но для этого пришлось бы написать целую книгу. Заканчивая свой очерк, я хочу упомянуть об основном богатстве этой страны — о ее народе, об этом выносливом и жизнерадостном племени креолов, образовавшемся в результате слияния многих рас и народностей. Высоко развитое чувство патриотизма сочетается у аргентинцев с миролюбием — свойством, которое особенно ценным является сейчас, когда будущее человечества зависит от сплочения сил всех народов, борющихся за мир всего мира. Аргентинцы — не новички в этой борьбе. Во время корейской войны, несмотря на то, что в стране господствовала фашистская диктатура, они сумели отстоять свои суверенные права и не послали в Корею ни одного солдата; на стенах рабочих предместий Буэнос-Айреса до сих пор остались надписи несмываемой краской: «Солидарность с Северной Кореей». «Вон из Кореи, янки-убийцы» или «Ни одной капли аргентинской крови в обмен на доллары». Сейчас рядом с этими старыми и нестареющими лозунгами каждую ночь появляются плакаты, протестующие против проекта Южно-Атлантического Пакта — этой последней новинки «глобальной стратегии» Пентагона.

Аргентина по праву может называться «серебряной республикой» — ее народ отлит из чистого, благородного металла. А то, что находится наверху, это лишь позолота — дешевая и непрочная шелуха американского золота.